

Ольга Егошина

Куда несешься ты, старенький мотоцикл, по бездорожью?

**Над сценой, над залом, над городом и
миром навис мотоцикл. Женщина в туго
завязанном платке сидит на нем уверенно,
сжимая руль, вглядываясь в дорогу.
Женщина-мать оседлала оставшийся от
мужа-фронтовика мотоцикл и рванула в
путь, чтобы спасти сына, попавшего в беду.**

И пусть беду ту накликал и выстроил он сам. Сам пошел с мошенницей, напился, очнулся в канаве без денег. И выпускал злость, отхаживая случайных алкашей свинцовой пряжкой. Положил троих. И той же флотской пряжкой ремня заехал в голову прибывшему милиционеру, да так, что тот упал без памяти. И теперь – грозит заключение за нападение на представителя закона, находившегося при исполнении... Все эти обстоятельства мать Авдотья Громова – Нина Усатова знает прекрасно. Но также знает, что Витька – он трезвый и мухи не обидит, а пьяный – дурак дураком. Вот сейчас грозит ему беда, и кто как не мать бросится спасать сына?

Рассказ Василия Шукшина «Материнское сердце» на первый взгляд кажется таким непритязательным очерком-зарисовкой с натуры. Но как часто у этого автора бывает, за правдой быта вдруг проступит бездна, зашевелиятся любимые глобальные вопросы: «что делать?» и «кто виноват?». Возникнут тени Лескова и Достоевского. И вдруг муторно станет от безысходности, и так захочется размотать этот клубок долга и любви, жертвенности и эгоизма, тьмы и света. Виноват Витька? Виноват. Но так жаль и его мать, и его самого, и несостоявшуюся свадьбу. И внуков, которых никогда не будет...

Андрей Могучий начинает свой спектакль «Материнское сердце» с высокой ноты. «*Was ist die russische Seele?*», – вопрошает сомнительная фигура в потрепанном сюртуке, пробирающаяся по проходу зрительного зала к сцене. «Что есть русская душа?» – вопрос, который столько веков тревожит умы лучших наших философов и писателей, поэтов и театральных режиссеров. Для ответа на него одного рассказа маловато будет. И постановщик вплетет в театральное действие еще семь. Герои их возникают на пути странствия Авдотьи Громовой, за которой безотлучно следует черная тень.

Наверное, лучшее определение жанра постановки БДТ – спектакль-«плутовской роман». Как и положено оному – герой отправляется в странствие, где знакомится с самыми разными людьми и жизненными ситуациями. А спутником выступает веселый бес, который легко заводит повествование за грань видимого мира.

Персонаж Андрея Феськова обозначен в программке как «Чичиков, аферист, жулик, представитель потусторонних сил». Его и выбрал Андрей Могучий нашим Вергилием, который поведет по кругам русской души, чтобы отследить и отрефлексировать ее взлеты и падения, косность и вселенский размах, злобу и доброту. Каждому сюжету будет наш

Н. Усатова – Авдотья Громова. «Материнское сердце».
БДТ им. Г.А. Товстоногова. Фото С. Левшина

проводник давать свой комментарий. То Козьму Пруткову процитирует («Юнкер Шмидт! Честное слово, лето возвратится!»), то Елену или Николая Рерихов. А то и самого Федора Михайловича, а именно – мечту черта из кошмара Ивана Карамазова воплотиться в душу семипудовой купчихи. Именно черт снижает пафос, напоминает: «Мы в театре!». Именно он объявляет об антрактах (их в постановке БДТ два). Наконец, именно его крысиный хвост, торчащий среди фалд сюртука, ни на минуту не дает забыть, что в самом доподлинном реализме происходящего на сцене остается ощутимый привкус бесовщины.

Как без нее объяснить маяту двух влюбленных, которые расстались по той причине, что он объявил венчание «дореволюционным пережитком», а она без церковного благословения брака не признавала. Так и прожили по разные стороны реки. Вступили в браки, детей вырастили, внуков. Вот везет он ее в последний путь уже в гробу, а вдовец кидается на него с кулаками, потому что хоть и жили врозь, чувства не угасали, и даже у могилы не отпускает ревность и боль. Авдотья Громова – Нина Усатова положит голову незадачливого жениха себе на колени и будет баюкать седого младенца (для сердца матери все мы – незадачливые дети, всех ей жалко). Филипп – Юрий Ицков (приглашенный актер Театра на Васильевском) уткнется в эти теплые колени и вззоет от безысходности понимания – жизнь-то прошла впустую, сам погубил

А. Кононец – солдат Илья, Н. Усатова – Авдотья Громова.
«Материнское сердце». БДТ им. Г.А. Товстоногова. Фото С. Левшина

свое счастье. И надежда только на встречу в небесах, на милость Божию, в которую он, комсомолец, всю жизнь не верил...

На экране над сценой крупным планом видим материнские глаза Авдотьи – Усатовой, застывшие невыплаканными слезами. Наверное, никакая другая актриса не сумела бы сыграть именно эту земляную, древнюю, в чем-то пугающую и завораживающую силу, которая живет в каждой матери, но прорывается так редко, что про нее можно и забыть ненароком. Душа-мать плачет над своими беспутными детьми.

— «Не забывайте, что вы в театре!» – напоминает бес.

О том, что вы в театре, забыть на «Материнском сердце» не так сложно. Один из лучших сценографов страны Александр Шишкин распахнул на сцене завораживающие родные пейзажи. Стелются лесные дороги под колесами мотоцикла, сменяют друг друга леса и поля за окнами движущегося поездного состава. Плывут облака. Шумит река и прыгают с берега в ее воды захмелевшие свадебные гости. Учитель литературы и по совместительству фотограф-любитель Суворов – Дмитрий Воробьев объясняет милиционеру Мельникову – Виктору Княжеву, что в их окрестностях закаты пылают как пожары. Милиционер пытается с ним поделиться возникшими литературными сомнениями: «Кого везет воспетая Гоголем птица-тройка? Жулика Чичикова?». Учитель в ответ пытается объяснить, что Гоголь – не про седока, а про упоение скоростью,

Н. Усатова – Авдотья Громова, Ю. Дейнега – Махатма Ленин.
«Материнское сердце». БДТ им. Г.А. Товстоногова. Фото С. Левшина

про упоение красотой... И вообще за все десятилетия его преподавания в школе никто вопросом седока птицы-тройки не интересовался! Лучше посмотреть на пламенеющий закат, который горит вокруг пожаром.

Столица страны Москва возникает точно такой, про которую поют «утро красит нежным светом» – с красными башнями Кремля, с алею-щими зубцами стен, с Мавзолеем...

Авдотью Громову Василий Шукшин оставляет ровно в тот момент, когда она собирается ехать в краевые организации просить за сына. В спектакле Андрея Могучего героиня потом, по совету очередного попутчика решает ехать в Москву. И берут ее в свой вагон демобили-зованные солдатики из «горячих точек». Один из попутчиков солдат Илья – Александр Кононец рассказывает о странном случае, который с ним произошел на охранном объекте возле старого кладбища (рассказ Шукшина «На кладбище»). Смотря не столько на собеседницу, сколько куда-то внутрь себя, он рассказывает, как явилась ему Богородица, как сказала, что оплакивает их...

Ведет дорога Авдотью Громову, встречает она таких разных лю-дей, слушает истории о таких разных судьбах. А ночами разговаривает с сыном о смысле жизни и о том, что давно эта жизнь сыну опротивела.

Куда ведут все дороги нашей страны? Правильно, к мавзолею! И сам Махатма Ленин спрыгнет со своего смертного ложа и пойдет беседо-

Н. Усатова – Авдотья Громова, В. Княжев – милиционер Мельников, А. Феськов – Чичиков. «Материнское сердце». БДТ им. Г.А. Товстоногова. Фото С. Левшина

вать с Авдотьей. Махатма Ленин – Юлия Дейнега здесь бодр, подвижен, позитивен, по-мальчишески щупл. Он по-товарищески предлагает Авдотье кружку чая («сахар можно не экономить»). И подробно объясняет как удар по голове прояснил все в сознании милиционера Мельникова. Теперь он может видеть бесов, агентов потусторонних сил, которые изо всей мочи гадают России. Так что сын Витька совершил главное дело своей жизни, и ей, Авдотье, волноваться за него не надо.

Самая вроде бы далекая от Шукшина сцена спектакля оказывается по духу самой шукшинской. Абсурд происходящего никак не мешает абсолютной достоверности этого разговора матери и вождя мирового пролетариата, на излете которого Ленин заторопится на свое смертное ложе: «Скоро экскурсанты придут!».

В финале Авдотья Громова вместе с прозревшим Мельниковым бросится на поиски неуловимого Чичикова – черта – агента 007, направляя колеса своего мотоцикла-повозки в неизвестность. И не замечая, что черт вольготно разлегся в повозке за их спинами.

Закольцевав сценическую композицию, режиссер-постановщик ставит не точку, а многоточие.